

А. Н. Смирнов

АКСИОЛОГИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА: МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И ПРОГРЕССОМ

Ключевые слова: консервативная идеология, политический консерватизм, христианская традиция

При анализе состояния европейского политического поля нельзя не отметить довольно любопытную особенность. С одной стороны, различные политические партии, в силу исторической традиции или с молчаливого согласия аналитиков именуемые консервативными, принимают программы, побеждают на выборах, создают коалиции, формируют правительства и т.д. С другой стороны, складывается устойчивое ощущение, что подлинная консервативная идеология не просто существует отдельно от партийно-политической системы, но и пребывает в некоей параллельной ей действительности. Попробуем дать объяснение этому парадоксу.

Попытки выделить четкую консервативную составляющую в идейно-политическом спектре современной Европы едва ли будут продуктивными и методологически обоснованными. Еще менее продуктивно пытаться подогнать реальные политические институты под имеющиеся традиционные представления о консерваторах и консерватизме. Подобный подход привел бы к неоправданному упрощению и, как следствие, искажению весьма сложной и неоднозначной европейской действительности, которая не только полна внутренних противоречий, но и сама по себе является отражением динамичных процессов. Не осталось в стороне от общих изменений и содержание понятия «консерватизм». Оно давно перестало ассоциироваться с потребностью что-либо консервировать, поскольку мир незыблемых ценностей канул для европейцев в безвозвратное прошлое. Стремление сохранить устои и отстоять завоевания уже в большей степени присуще либеральной традиции.

И все же было бы преждевременно говорить о смысловой исчерпанности консерватизма и окончательном превращении его в бессодержательную категорию. Ведь социально-экономические трансформации последних десятилетий, обозначившие торжество либеральных принципов, лишь отчасти затронули политико-культурные и мировоззренческие основы, определяющие внутренний мир европейских народов¹. Финансово-экономические катаклизмы, демографические проблемы,

¹ Холодковский
[Kholodkovsky]
2007: 121.

наконец, новые внешнеполитические вызовы XXI столетия, возможно, вернут консервативным идеям их прежнее смыслополагающее значение. В этом случае ценностное наполнение таких идей, ныне изрядно растраченное, вновь станет востребованным и актуальным.

Консерватизм — это «идеология будущего», в том смысле, что консервативное сознание всегда представляет собой реакцию на вызовы современности и грядущее в его рамках мыслится как реализация некоей «программы», заложенной ушедшими поколениями. Современность может нарушить заветную «программу», содержание которой, разумеется, имманентно консервативному сознанию и моделируется его носителями. Отсюда трепетное отношение к образу будущего, по большому счету не характерное для либералов, социалистов и приверженцев радикальных идеологий. Мотив преемственности, органической связи между прошлым и будущим через повседневную действительность получил самое широкое распространение в политической философии консерватизма. Об этом еще в начале прошлого века писали английские авторы, в частности У.Элиот, определявший консерватизм как «кредо континуитета»², и Ф.Хирншоу, подчеркивавший присущий ему «дух преемственности»³. Сходные идеи высказывают и современные британские консерваторы, которые видят в обществе «реальность, основанную на том, что было раньше»⁴. Вот как звучат эти идеи в устах их нынешних сторонников, будучи повернуты в сторону политической практики: «Консервативная партия имеет длительную историю скептического отношения к программам радикальных конституционных реформ. <...> Мы верим в органическое, эволюционное жизненное устройство... мы поддерживаем традиции и преемственность»⁵.

В русле либеральной или социалистической парадигмы концепт «унаследованного» будущего тоже присутствует, но здесь он, как правило, приобретает отчетливо негативное звучание, поскольку означает безвольное воспроизведение укорененного в прошлом, если угодно, «проклятием заклеянного» образа несвободы и социальной несправедливости. В данном случае подлинная историческая обусловленность (равнозначная общественному прогрессу) видится в сломе социальной традиции, сопровождаемом «ревизией наследия». Разумеется, не всякая традиция безоговорочно отвергается. В прошлом обретаются новые идеалы, способные восстановить картину преемственности, насытив ее «прометеевским духом», мотивами свободомыслия, жертвенности, гражданского служения и т.п.

Было бы несправедливо полагать, будто консерватизм — это идеология, лишенная «идеальной перспективы», заикленная на защите институциональных устоев общества без внятных представлений о методах их совершенствования. Просто консерваторам свойствен «концептуальный скептицизм», они испытывают своеобразную аллергию на идейную абсолютизацию⁶. За образцы идеальных проектов обычно принимаются либеральные, социалистические и демократические утопии, создающие иллюзию интеллектуального прорыва в историческую

² *Eliot 1927: 18—19.*

³ *Hearnshaw 1933*
(цит. по: *Norton*
2008: 324).

⁴ *Norton 2008: 324.*

⁵ *Hague 2000*
(цит. по: *Flinders*
2009: 250).

⁶ *Allison 1984: 55.*

перспективу. Известный немецкий философ и социолог К. Манхейм так объяснял «прожекторскую воздержанность» консерватизма: «Консерватор мыслит в категориях системы, представляющей собой только реакцию, — либо вынужденный создавать собственную систему, чтобы противостоять прогрессистам, либо тогда, когда развитие событий лишает его всякого влияния на современность, так что он должен пытаться повернуть вспять колесо истории, чтобы вновь обрести возможность влиять на события»⁷.

⁷ Манхейм
[Manheim] 1994:
602.

Но, если на то пошло, консерватизм с его обостренным чувством времени в этом плане более историчен. Вопреки расхожим представлениям, консервативная традиция не сводима к безотчетной идеализации прошлого. Применительно к различным аспектам социальной действительности феномен консерватизма утрачивает свою экзистенциальную целостность и расслаивается на различные смысловые пласты, зачастую идейно чуждые друг другу. Так, например, выделяют охранительный традиционализм, ретроградный, или «реконструктивный», консерватизм и консерватизм «континуитетный», наиболее последовательно воплощающий идею развития через преемственность⁸.

⁸ Борисюк
[Borisjuk] 2005:
43. См. также
Mittelman 2000:
33—57.

Однако переживание прошлого и «программирование» будущего сами по себе еще не создают политической программы. Ради желанного политического статуса консерваторы вынуждены дополнительно обосновывать уместность собственных воззрений, их созвучность интересам и чаяниям, тревогам и насущным потребностям реальных людских масс. Стиль подобного обоснования, в сущности, определяет облик политиков, позиционирующих себя в качестве консерваторов. То, что мы именуем консервативными убеждениями, не есть безусловная данность. Конкретное смысловое наполнение базовых идей происходит за счет переработки национальных политических традиций и зависит от местных условий.

Такое положение вещей стало определяющим для одного из самых распространенных пониманий консерватизма. Согласно ему, консерватизм — это не полноценная политическая идеология, а набор параллельных идеологических реакций на сходные социальные ситуации. «Ситуативная» трактовка феномена консерватизма наиболее применима к анализу политических процессов. Она позволяет рассматривать его функционально — как ответ на вызовы, обращенные к конкретному обществу с его конкретной экономической, политической и культурной проблематикой. Именно в свете указанной трактовки можно осмыслить общий консервативный тон современной европейской политики. В равной степени допустим и другой подход — «интегральный» (в терминологии М. Ремизова), отводящий консерватизму роль системной исторической альтернативы, противопоставляющей себя универсалистским доктринам Нового и Новейшего времени. Будучи воспринят в качестве альтернативы, консерватизм предстает как интеллектуальная, идеологическая и даже культурная традиция, способная развиваться на собственных мировоззренческих основаниях⁹.

⁹ Ремизов [Remizov]
2006.

Но какой бы подход мы ни использовали, современный политический консерватизм оказывается противоречивым явлением, плохо поддающимся научной категоризации по причине своей эмпирической «нерегулярности». Конечно, можно отталкиваться не от сути явления, а от общего политического ландшафта, сложившегося в европейских государствах за последние полвека. Консерватизм в таком случае будет тождествен отрезку политического спектра, имеющему определенную «партийную принадлежность». Это, возможно, упростит предмет исследования, но едва ли поспособствует пониманию тех процессов, динамика которых определяет европейский ландшафт. На наш взгляд, более уместно обратиться к ориентирам консервативного сознания, воплощенным во взглядах и электоральных предпочтениях европейцев.

* * *

Посредством чего европейский консерватизм обнаруживает себя? Есть целый ряд актуальных проблем, диагностирующих кризисное состояние европейского общества, в том числе выдающих его внутреннюю разбалансированность. Противоречия, порожденные различиями в понимании данных проблем, носят установочный характер и, соответственно, служат индикаторами консервативных настроений. Эти противоречия затрагивают прежде всего аксиологическую сферу, где последние традиционные ценности еще противостоят натиску всепоглощающей эмансипации. Консерватизм дает более жесткие ответы на большинство гуманитарных вопросов, он настойчив и требователен в защите человеческой природы и нормативных основ общественного бытия перед лицом гедонистического разложения. В русле консервативного дискурса констатируется и обосновывается упадок социума, подавшегося соблазну морального упрощения в соответствии с императивами мнимого прогресса. Вообще, ощущение упадка, изначально являвшееся доминантным переживанием, определявшим стиль и пафос консервативного мышления, становится неким атрибутом современного «цивилизованного» общества с его размытыми, нечеткими и подвижными представлениями о границах допустимого. Вытеснение традиционных ценностей в «заповедники» общественного сознания вызывает ответное стремление сохранить и по возможности воспроизвести хотя бы немного оставшееся.

Каковы же принципы взаимодействия между консерватизмом и традиционализмом, делающие традицию не просто атрибутом, но сверхценностным авторитетным основанием политической практики? Начнем с того, что сама политическая традиция, запечатленная в привычных и общепризнанных формах государственного устройства, издревле считалась показателем соответствия естественному порядку вещей, а потому ее поддержание носило императивный характер. Последнее обстоятельство не позволяет причислить к лагерю консер-

ваторов Аристотеля или, скажем, Конфуция — ведь, строго говоря, отчетливая антитеза традиции и социальных инноваций в их времена еще не сложилась. О политическом консерватизме с полным на то основанием можно вести речь лишь применительно к Новому времени. Своеобразной точкой отсчета стала Французская революция, ниспровергшая традиционный порядок и заставившая переосмыслить политически нейтральное понятие традиции в духе новообретенной консервативной идеологии.

Рассуждения о традиционных ценностях и обусловленной ими исторической преемственности приобрели подчеркнутую политическую актуальность во взглядах «знаменосца» британского консерватизма Э.Бёрка. Именно традиция является для него основным источником, питающим легитимность власти, причем сохранение этого источника отнюдь не исчерпывается верностью подданных установленному порядку правления. Напротив, как показывает отношение Бёрка к событиям Славной революции 1688 г., приверженность традиции ставится выше династических прав, и при определенных условиях смена династии воспринимается как вполне оправданная, даже необходимая, если того требуют интересы общественной стабильности¹⁰.

¹⁰ Бёрк [Burke] 1993: 49—52.

Поддержание устоев общества предполагает культивирование народных ценностей, центральное место среди которых занимает религия. Ей же отводится и главенствующая роль в поддержании стабильности общественного уклада. Впрочем, не стоит считать религиозность Бёрка порождением его охранительных идей. Здесь налицо обратная зависимость. Философ превозносит религию вовсе не потому, что она выступает оплотом порядка; напротив, для него очевидно, что порядок мирской проистекает из порядка божественного и при любых условиях остается частью высших установлений. Устойчивость социальных и политических институтов обеспечивается приверженностью государственных и общественных деятелей духу благочестия, то есть фактически особой формой религиозного посвящения. Только Церковь, вплетенная в ткань нации, способна уберечь государство от пагубных страстей и саморазрушения¹¹.

¹¹ Кирк [Kirk] 2003: 113.

Согласно Бёрку, английский народ «видит в церковном устройстве суть государства и фундамент политической конституции»¹². Не случайно, обличая Французскую революцию в целом и тиранию революционного правительства в частности, британский мыслитель инкриминирует новой власти разрушение духовного стержня, соединявшего народ и государство. Данный тезис служит обоснованием принципиальной идеи о неисторическом характере французских потрясений, прямо противопоставленных английской исторической (а значит, и политической) традиции. Вообще, в своих «Размышлениях о революции во Франции» Бёрк настойчиво противопоставляет две страны и делает это не только в порядке констатации ценностного антагонизма. В первую очередь им движут практические соображения, то есть главной целью его обращения к парижским событиям, потрясшим Францию и всю Европу,

¹² Бёрк [Burke] 1993: 91—92.

является ответ на вопрос, обладает ли его собственная родина иммунитетом к революционной заразе. Бёрк отвечает на этот вопрос утвердительно. «Спасительные ресурсы», которыми располагает Англия, заключаются в здравом смысле англичан, а тот, в свою очередь, зиждется на обычае и христианском благочестии¹³. Речь идет здесь о чем-то принципиально отличном от рационалистической доктрины Просвещения с ее упором на автономию и суверенитет Разума. Нарождающееся консервативное сознание находится в открытой оппозиции к рационализму, в поисках системных основ бытия оно ориентируется на разумность самой жизни. Соответственно, в сфере государственного устройства безусловное предпочтение отдается традиции как совокупности исторически сложившихся общественных норм, локализованных в границах конкретного государства и политически оформленных в «нерукотворную конституцию».

В рамках рассматриваемого подхода тема традиции получает еще одно оригинальное прочтение. Она соотносится с трактовкой общественного договора как своего рода пролонгированной межпоколенческой конвенции, базирующейся на непрерывной трансляции и прумножении Наследия (в виде знаний, ценностей, культуры и т.д.). Это Наследие с полным основанием можно назвать национальным, хотя само понятие нации к нему еще не применялось. Иначе говоря, традиция становится символической связью между поколениями, обеспечивающей социальную преемственность. В этом качестве ее роль куда более значима и не сводима к набору культурных или политических образцов. Если следовать мысли английского философа, «общественный договор заключается не только между ныне живущими, но между нынешним, прошлым и будущим поколениями». Государства «не вправе разрушать это всемирное, Богу подчиняющееся сообщество и, руководствуясь стремлением к свободе, рвать установленные связи, превращая мир в асоциальный, антигражданский хаос, в котором перемешаны все основополагающие принципы»¹⁴.

Сакрализация политических институтов и норм подчеркивает охранительное начало консерватизма, выраженное в самой этимологии данного слова. Религиозная составляющая социальной жизни, понимаемая Бёрком как основа гражданского общества, наиболее последовательно реализует ряд консервативных установок. Прежде всего она создает реальную альтернативу суверенитету разума, заменяя его авторитетом предписания. Истина, вынесенная за пределы изменчивой реальности и запечатленная в откровении библейских текстов, утверждается в своем непреложном и сакральном значении, призванном защитить общество от нежелательных перемен¹⁵. Вместе с тем родоначальник консервативной мысли (каковым Бёрка считают не только его британские последователи) формулирует особое понимание охранительной идеи, выраженное в изящной сентенции: «Государство, которое не в силах ничего изменить, не способно себя сохранить»¹⁶. С тех пор многие поколения консерваторов, воспринявших историческую традицию

¹³ Там же.

¹⁴ Там же: 90—91.

¹⁵ Дегтярева [Degtjareva] 2003: 92.

¹⁶ Бёрк [Burke] 1993: 103.

в качестве готовой политико-религиозной модели общественного развития, четко осознавали, что владеют универсальным средством ориентации в море непрерывных и неизбежных социальных инноваций. Эта убежденность поддерживалась до конца XX в.

* * *

Разумеется, приверженность традиции «получила прописку» в политике задолго до рождения политического консерватизма и вообще любого оформленного консервативного сознания. Как уже говорилось, на протяжении столетий государство было воплощением сверхценностного начала в мире людей и мерилом земных ценностей, важнейшей из которых выступала стабильность. Однако в самих социальных организациях устойчивость институциональных структур зачастую сочеталась с бурными культурными, мировоззренческими, религиозными, экономическими трансформациями. При отсутствии строгой грани между политикой и сферой общественных отношений все подобные изменения (особенно вызывавшие рефлексию «ревнителей старины») становились факторами политического порядка. Соответствующий социально-политической ситуации «ретроградный» стиль мышления содержал характерные консервативные установки. Именно такой ментальный настрой и адекватные ему формы репрезентации Манхейм квалифицировал как традиционализм. В его понимании традиционализм означает тенденцию к сохранению старых образцов, «вегетативных способов жизни, признаваемых всеобщими и универсальными»¹⁷. Еще не будучи политической идеологией или, тем более, маркером партийной принадлежности, этот «инстинктивный» консерватизм может трактоваться как исходная реакция на осознанные изменения или порождающие их тенденции.

¹⁷ Манхейм
[Manheim] 1994:
593.

В разные эпохи и у разных народов обнаруживаются, в сущности, схожие формы традиционалистской рефлексии. (Впрочем, такая схожесть в свою очередь обусловлена соответствующей интеллектуальной традицией.) Для всех сочинений морализаторского толка, апеллирующих к прошлому, характерен общий мотив, суть которого в конечном счете сводится к сравнению «того, что есть», с «тем, что было». Откликаясь на политические потрясения конца XVIII в., консервативные мыслители совершили подлинный методологический прорыв. Они раздвинули государственные рамки и от простых сравнительных конструкций перешли к построению объяснительных концепций, призванных вскрыть причины социальных бедствий, то есть исторически обосновать пагубность революционного радикализма и прогрессистских идей. Проведенное Бёрком сопоставление английской и французской моделей исторического развития придало консервативной мысли мощный и долгосрочный концептуальный импульс, вызывая все новые волны исследований. Но общеевропейское обоснование консервативной идеи впервые было дано французским мыслителем Ж. де Местром.

¹⁸ Местр [Maistre]
1997: 42.

В «Рассуждениях о Франции» де Местр обозначил общеевропейский источник несчастий, постигших страны и народы Старого света на рубеже веков. По его мнению, все началось с Реформации, которая поставила под сомнение религиозный авторитет — основу традиционного политического порядка. Именно на почве религиозного безначалия, имплицитно оправдывавшего всякое потрясение основ, проросли первые революционные идеи. В русле предложенной логики Франция представляла такой же жертвой духа протестантизма, как и Англия полутора столетиями раньше¹⁸. Подобно Бёрку, де Местр настаивал на определяющей роли религии в создании и функционировании политических институтов. Правда, если британский мыслитель связывал с авторитетом религиозного предписания лишь политическую систему родного Альбиона, взятую за образец традиционного уклада, то его континентальный последователь говорил о традиционном европейском порядке вообще и в первую очередь о том, что до появления протестантизма религия являлась каркасом европейских государств, одновременно выполняя функцию связующего раствора. Переводя свои идеи в практическую плоскость, де Местр попытался восстановить прерванную традицию хотя бы на уровне проекта, предложив модель устройства посленаполеоновской Европы в виде союза европейских монархий под контролем папской власти.

На протяжении XIX столетия, по мере того как консерватизм обретал политическое лицо, традиционалистские проекты становились все более утопическими, а различного рода идеальные модели, выдержанные в духе средневекового романтизма и тоски по Старому порядку, безнадежно отрывались от действительности. Теперь не они задавали направление консервативной мысли, которая, в свою очередь, все меньше ассоциировалась с охранительной сверхзадачей. В то же время либеральные и революционные течения, ранее воспринимавшиеся в качестве явной политической аномалии, чуть ли не предвестия конца европейской истории, начали определять европейскую перспективу и даже претендовать на формирование альтернативной традиции. Доводы в защиту традиции не могли противостоять веяниям века, склонного позволять каждому человеку формулировать убеждения по собственному разумению, согласно преходящим обстоятельствам и своему ограниченному знанию. Неумное стремление к прогрессу, привлекательность новомодных социальных доктрин, кажущаяся простота и понятность бытия — все это ослабляло позиции консерватизма, хотя и не повергло его в кризис, подобный современному.

В ряду явлений, определивших дальнейшую судьбу консерватизма, стоит выделить масштабный мировоззренческий сдвиг, произошедший в первой половине XIX в. и затронувший глубинные пласты массового сознания. Благодаря ему консерватизм преодолел политические рамки и освоил иные сферы, обретя общекультурное измерение. Он стал не только способом постижения социальной действительности, но и формой мышления, духовным переживанием, наконец, эстетиче-

ским идеалом. Подобное превращение было связано с возникновением романтизма как общеевропейского культурного тренда, отчасти вызванного реакцией на рационалистическую философию Просвещения и одновременно сопрячающегося феномену национального сознания. Можно сказать, что романтизм создал широкую культурную нишу для всех жизненных проявлений, изначально укорененных в религии и постепенно вытесняемых рационализмом из привычных социальных ареалов. Однако, в сущности, это был процесс собирания и поддержания традиции, протекавший на уровне культурных рефлексий. Он не возрождал, а переживал и переосмысливал традицию, будь то «окаменевшее» наследие Средневековья или реальная религиозная практика.

XX столетие, начавшееся с бурного всплеска левых идей, мобилизовало консерватизм на борьбу за сохранение социальной иерархии. Вместе с тем, отстаивая принципы общественного устройства, «испокон веков» присущие человечеству, консерватизм сам подвергся ощутимой эрозии, испытал нарастающее влияние либеральных доктрин. Система жизненных приоритетов, созданная демократией и рыночной экономикой, исподволь подтачивала его корни; индивидуалистическая трактовка прав человека завоевала симпатии масс и оказалась более востребованной, нежели взгляд на общество с позиций солидаризма. Таким образом, минувший век, с одной стороны, придал консерватизму новое звучание, а с другой — последовательно выбивал из-под него социальную почву. И все же, поступившись социально-экономическими принципами, консерватизм до последнего времени сохранял ценностную самоидентичность. Отчетливее всего это проявлялось в уважении к традиции, что само по себе можно рассматривать как родовой признак консерваторов и основу их габитуса. В свете сказанного трудно не согласиться с трактовкой современных тенденций в развитии политических идеологий Запада, предложенной отечественным исследователем К.Холодковским. Если в вопросах экономической политики расхождения между консерваторами, либералами и социал-демократами нередко трудноразличимы, то, когда речь заходит об отношении к абортам или к правам сексуальных меньшинств, когда обсуждаются методы борьбы с преступностью или проблемы ограничения иммиграции, картина резко меняется¹⁹.

¹⁹ Холодковский
[Kholodkovsky]
2005: 12—13.

* * *

Обозначенные проблемы тесно соприкасаются или даже переплетаются со сферой, составляющей религиозную подсистему европейского общества. Как уже неоднократно подчеркивалось, консервативная иерархия ценностей формировалась вокруг духовных приоритетов. В числе традиционных ценностей, заповеданных людям, консерватизм выделяет великое благо, состоящее в возможности общаться с Богом. Данная мировоззренческая платформа послужила установлению глубокой связи между политикой и религией. Связь эта еще более усили-

вається за счет расширительного толкования консервативной политической миссии как задачи коллективного спасения.

Начиная с Бёрка, консерваторы видели в политике не средство управления обществом (как правило, санкционированное конкретной целью), а прежде всего нравственное упражнение, дающее человеку ключ к постижению Божественного замысла. При подобной трактовке само государство и отдельные его институты выступают неперменной частью строгого и неизъяснимого предписания, движущего миром. Человек не в силах прочесть божественный сценарий, полагаясь лишь на свой разум, ибо намерения Господа в отношении людей раскрываются по мере творения Им истории. Нам дано судить лишь об уже свершившемся, а потому единственным доступным средством постижения будущего (в политико-практическом смысле) оказывается внимание к традиции. Именно традиция воплощает многовековой опыт человечества по наблюдению за тем, как действует Бог. При таком подходе вся мирская реальность предстает либо выражением высшего нравственного порядка, либо отклонением от него.

Первое поколение европейских консерваторов было наиболее последовательным в отрицании волевого и рационального начал, а вернее, выводимой из них сущности политических отношений, на чем так упорно настаивали (и настаивают) поборники общественного прогресса. Обосновывая цели социальной эмансипации, представители либеральных и радикальных течений провозглашают их бесспорный приоритет над любыми прежними установлениями, что закономерно ставит вопрос об исходных политических принципах. Консервативные мыслители, напротив, говорят о моральных обязательствах, не зависящих от свободного и осознанного выбора людей, то есть в большей степени соответствующих понятию долга. Как подчеркивал все тот же Бёрк, «у нас имеются обязательства по отношению к человечеству в целом, которые не являются следствием какого-либо специального добровольного пакта»²⁰.

²⁰ Бёрк [Burke] 1993: 91.

Примечательно, что до последнего времени европейские партии, к какой бы части политического спектра они ни принадлежали, оставались восприимчивыми к духовным запросам, остро чувствовали их на уровне социальных практик и — с учетом региональных особенностей — довольно четко разделялись по своему отношению к религии. В максимально упрощенном виде противопоставление «левые—правые» соответствовало реальной идеологической антитезе, где атеизму и антиклерикальным настроениям противопоставляется защита веры, Церкви и религиозных устоев. Традиционное размежевание в религиозной сфере проходило между консерваторами и либералами. Мировоззренческий либерализм сводит религию к сугубо приватным вопросам, решение которых определяется индивидуальным выбором конкретного человека. Будучи спроецирован в политическую плоскость, он неизбежно приобретает секуляристскую направленность и ведет к вытеснению Церкви из сфер, относимых к компетенции государства. Как одно, так и другое

противоречит классическим консервативным установкам, хотя на исходе XX в. Европа, в сущности, распрощалась с религиозным консерватизмом. В протестантских странах и во Франции христианские ценности востребованы политикой, но давно уже выполняют скорее атрибутивную функцию. Южноевропейский регион, выступавший оплотом политического католицизма, перестал быть таковым в последней трети минувшего столетия на волне демократизации и борьбы с наследием авторитарных режимов. Практически повсеместно, за исключением Южной Германии и Австрии, католицизм как мобилизующая общественно-политическая сила сдал свои позиции. Ситуация в православной Греции обладает несомненной спецификой, которую, впрочем, не стоит преувеличивать. Глобализация, культурная плюрализация, социальная диффузия, информационный и потребительский бум последних десятилетий стали факторами возрастающей религиозной индифферентности европейского населения²¹. В этих условиях крайне сложно выделить консервативные тенденции, отвечающие особому политически обоснованному восприятию религии. Консерватизм по-прежнему противостоит секуляризму и рационализму, однако, выдвигая данный тезис, следует учитывать социальные изменения, эволюцию политических предпочтений и, главное, коррекцию самих религиозных взглядов.

²¹ *Альтерматт*
[Altermatt] 2000:
139.

Переломный момент в эволюции консервативной идеологии наступил совсем недавно. Он был вызван и предопределен возникновением постмодернистского общества. В условиях массовой демократии и господства неолиберальных ценностей традиционно присущий консерватизму стиль мышления стал обременительным для атомизированного социума, поскольку налагал слишком жесткие обязательства, а подчас и ограничения на людей, утративших свою культурную самоидентичность. Большинству ныне живущих европейцев как минимум неочевиден смысл подобного подчинения, он выходит за рамки представлений об их практических потребностях. Обращение к традициям и историческому наследию нередко носит характер имитации, обеспечивающей потребительский спрос на «культурные продукты». Еще раньше реальные консервативные ценности, питавшие соответствующую идеологию, превратились в набор политических символов. Дух преемственности, некогда утверждавший жизнеспособность консерватизма, оказался бессилен перед вызовами эпохи. Воплощавшие его социальные институты, в первую очередь традиционная нуклеарная семья и церковная община, настолько ослабли и «разрыхлились», что перестали соотноситься с моделью современного общества. Это стало фактическим приговором традиционному консерватизму, знаменуя собой наступление системного кризиса для всех консерваторов (под которыми в данном случае мы понимаем любые политические течения, ассоциирующие себя с консервативными ценностями, безотносительно к их специфическим идеологическим склонностям и предпочтениям, будь то неолиберализм, неоконсерватизм или правый популизм)²².

²² *Шварцмантель*
[Shvartzmantel]
2009: 30—33.

Чтобы понять принцип взаимодействия между религией и политическим консерватизмом в современной Европе, обратимся к опыту Германии. При в целом низкой религиозности немецкого общества для большинства его членов типична устойчивая зависимость между политическими предпочтениями и конкретным вероисповеданием. Причем последнее подразумевает не реальную религиозную практику, а скорее приверженность церковной структуре, то есть самоидентификацию через отождествление с определенным направлением христианства. Подобная приверженность носит традиционный характер, позволяя зонировать территорию Германии в соответствии с политико-религиозными ориентациями населения. В преимущественно католических Баварии, Баден-Вюртемберге и Рейнланд-Пфальце доминирующие политические позиции занимают христианские демократы, тогда как Северный Рейн — Вестфалия, Нижняя Саксония и Бранденбург, где преобладают протестанты, являются оплотом социал-демократов. Особенно отчетливо данное размежевание обозначилось к концу минувшего столетия, когда Германия переживала очередной политический перелом — после рекордно длительного периода правления блок ХДС/ХСС уступил власть коалиции СДПГ и «зеленых»²³.

²³ Иерусалимский
[Jerusalimsky] 2006:
96.

С определенными оговорками можно утверждать, что до конца XX в. в партийно-политическом облике немецких консерваторов еще сохранялись христианские черты, то есть номинально декларируемая приверженность христианским ценностям подкреплялась действительной связью политиков с религиозными институтами и структурами. Эта связь возникла после Второй мировой войны и на несколько десятилетий определила политическое лицо немецкого консерватизма. Разгром нацизма положил начало духовному преображению германской нации, в основе которого оказалось чувство глубокого раскаяния, приобретенного для многих тысяч немцев форму религиозного покаяния. Главным побуждающим мотивом стало осознание вины перед человечеством и Всевышним в непомерной общенациональной гордыне, а также стремление расплатиться за этот грех и заполнить моральный вакуум, порожденный страшным духовным опустошением. Как следствие, актуальность христианской идеи, одинаково остро ощущавшаяся и католиками, и лютеранами, трансформировалась в ее политическую востребованность, что привело к формированию общехристианских партий во всех зонах оккупации. В советской зоне возникла Христианско-демократическая партия Германии, а в зоне западных союзников — Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз (в Баварии).

По понятным причинам восточногерманский импульс не дал полноценных политических результатов. Зато в ФРГ идейно-политическая гегемония ХДС/ХСС и почти двадцатилетнее пребывание консерваторов у власти обеспечили выдающиеся успехи страны в политической, экономической и социальной сферах. Все это время церкви оказывали заметное влияние на функционирование правящего блока. Такой

порядок, установившийся в 1950—1960-е годы, продемонстрировал свою эффективность и даже позволил считать политический клерикализм неотъемлемой чертой западногерманской власти. Вплоть до 70-х годов XX в. обычной практикой Католической церкви были предвыборные обращения к пастве с настоятельной рекомендацией голосовать за «богоугодный» блок ХДС/ХСС и его кандидатов. Церковные структуры и христианские партии пребывали в состоянии тесного симбиоза, под их идеологическим воздействием находились все сферы жизни германского общества. При этом единое антикоммунистическое мировоззрение отодвигало на задний план доктринальные противоречия между католицизмом и лютеранством. Общая приверженность рыночной, плюралистической модели развития, в сущности, проистекала из необходимости противостоять коммунизму не только как чуждой общественной системе, но и как «царству безбожия»²⁴.

²⁴ Там же: 107.

Успех христианско-демократического движения в ФРГ был связан с еще сохранявшейся и эффективной сетью традиционных институтов — главной базой массового консерватизма. Германский консерватизм, за полвека потерявший опору в виде монархии, сословий, национального духа, милитаристского сознания, подпитывался «снизу» мощной культурной традицией и деятельностью местных околоцерковных союзов. Они увязывали воедино конфессиональную, социально-профессиональную и локально-земляческую самоидентификацию граждан. Описанная ситуация была особенно характерна для католических регионов, где устойчивые традиционалистские стереотипы, а также принципы иерархии, солидаризма и корпоративизма долгое время способствовали культивированию консервативных ценностей. К наиболее действенным структурам можно отнести социальные рабочие комитеты ХДС, распространявшие католическое влияние на промышленную среду, а также десятки других общественных организаций. На протяжении послевоенных десятилетий усилиями данных структур поддерживалась жизнеспособность и функциональность церковно-политического альянса.

Первый — и чрезвычайно мощный — удар по немецкому консерватизму был нанесен в конце 1960-х — первой половине 1970-х годов, когда Германию (как и всю Европу) охватили массовые протесты молодежи. Хотя основные требования протестующих имели политическое звучание, сами молодежные бунты были порождены мировоззренческим сдвигом, произошедшим в тот период. Если абстрагироваться от частных случаев, становится очевидным, что главным объектом выступлений являлись социальные и бытовые устои, в которых еще сохранялся дух традиционализма. Разумеется, на острие критики находилась Церковь как блюстительница традиционных начал и оплот политического консерватизма.

Впоследствии кризис немецкой религиозности приобрел, по-видимому, необратимый характер. По мере прогрессирующей секуляризации массового сознания влияние церкви неуклонно ослабевало,

и в настоящее время участие религии в политических делах ФРГ уже стало стабильно незначительным и, по сути, символическим.

Католическая церковь, имеющая традиционную опору в лице избирателей ХДС/ХСС, еще претендует на роль духовного проводника, однако с каждым годом ей все сложнее осуществлять заявленную функцию. Ситуация осложняется тем, что сама христианская традиция стала предметом острых внутрицерковных дискуссий между либералами и консерваторами. Последние не удерживаются в сугубо религиозных рамках и от вероисповедных вопросов, проблем христианской этики или взаимоотношений с иными конфессиями все чаще переходят к социально-политическим реалиям, вторгаются в сферу публичной политики, подвергая жесткой критике политические партии и конкретных деятелей. Примером может служить позиция лидера консервативного крыла немецких католиков кардинала Иоахима Майснера. Представляя взгляды католических ортодоксов, Майснер решительно выступает против вольностей последних лет вроде разговоров о рукоположении женщин и отмене целибата, компромиссов в русле экуменизма или снисходительного отношения к моральной эмансипации. Будучи последовательным борцом за христианские устои, не склонным строго разграничивать светское и религиозное, кельнский кардинал критически оценивает деятельность ХДС/ХСС. По его мнению, обе партии так далеко зашли по пути секуляризации, что уже утратили право на имя Христово²⁵.

²⁵ *Der Spiegel*. 2005.
№ 30: 52.

Догматикам-консерваторам, опирающимся на Ватикан, в свою очередь противостоит умеренно-прагматическое течение в германском католицизме. Показателен конфликт, разгоревшийся вокруг проблемы абортов. Опасаясь конфликта с обществом, большинство иерархов предпочло поддержать закон, принятый в 1995 г. правительством Г.Коля, который при определенных условиях легализовывал искусственное прерывание беременности.

Конечно, было бы неверным полагать, что секуляризация германской политической сферы, начавшаяся несколько десятилетий назад, достигла финальной стадии. Тем не менее налицо качественная трансформация всего социально-политического ландшафта. Сам процесс, вне сомнения, отражает знаковые перемены, произошедшие в немецком обществе. Политический выбор уже не является вопросом веры, вместо убеждений действуют прагматические побуждения, а идеалы если и существуют, то представляют собой нечто смутное и маловыразительное. Переход от «сакральной» к «секулярной» политике закономерным образом минимизировал влияние религии как наиболее мощного фактора сакрализации. Свой вклад внесло и общее «расцерковление» электората. Причем в данном случае сказались традиционные политико-религиозные привязанности населения, ранее работавшие на усиление консерваторов-клерикалов. Симпатии активных католиков к ХДС/ХСС всегда были очевидны: примерно три четверти граждан, регулярно посещающих церковь, голосовали и голосуют

²⁶ *Каширских*
[Kashirskikh] 2009:
115.

на выборах за христианские партии. Но коль скоро роль церкви в жизни людей снижается, уменьшается и доля электората, сохраняющего традиционные приверженности, — соответственно сокращению числа верующих²⁶.

* * *

Попытки реанимировать консерватизм, вернуть его к активной политической жизни имели бы больше шансов на успех, если бы они предполагали возрождение интеллектуальной и особенно духовной традиции. Увы, в данной сфере серьезных шагов ожидать не приходится. Европейские правоцентристы исповедуют строгий секуляризм, мотивируя его императивами политкорректности и религиозной индифферентностью государства. Между тем на кону стоит нечто более существенное, нежели сохранение «светского целомудрия». Если трактовать консерватизм как системную историческую альтернативу, противопологающую себя универсалистским доктринам Нового и Новейшего времени, сознательный отрыв от христианских корней (не важно, культурно-исторических или политических, ибо корни эти едины) ради каких-то иных универсальных ценностей равносильна отказу от себя.

Библиография

Альтерматт У. 2000. *Этнонационализм в Европе*. — М. [Altermatt U. 2000. Ehtnonacionalizm v Evrope. — М.].

Бёрк Э. 1993. *Размышления о революции во Франции*. — М. [Burke E. 1993. Razmyshlenija o revoljucii vo Francii. — М.].

Борисюк В. 2005. Американский консерватизм и вызовы современности: ценности традиционализма против политического прагматизма? // *Новые тенденции во внутренней политике западных стран*. — М. [Borisjuk V. 2005. Amerikanskij konservatizm i vyzovy sovremennosti: cennosti tradicionalizma protiv politicheskogo pragmatizma? // Novye tendencii vo vnutrennej politike zapadnykh stran. — М.].

Дегтярева М.И. 2003. Традиция: модель или перспектива? // *Полис*. № 5 [Degtjareva M.I. 2003. Tradicija: model' ili perspektiva? // Polis. № 5].

Иерусалимский В. 2006. Церкви Германии перед вызовом секуляризации // *Современная Европа*. № 4 [Ierusalimsky V. 2006. Cerkvi Germanii pered vyzovom sekuljarizacii // Sovremennaja Evropa. № 4].

Каширских О.Н. 2009. Политические партии Германии в контексте модернизации политических коммуникаций // *Полис*. № 2 [Kashirskikh O.N. 2009. Politicheskie partii Germanii v kontekste modernizacii politicheskikh kommunikacij // Polis. № 2].

Кирк Р. 2003. Бёрк и политика, основанная на праве давности // *Полис*. № 5 [Kirk R. 2003. Burke i politika, osnovannaja na prave davnosti // Polis. № 5].

Манхейм К. 1994. *Диагноз нашего времени*. — М. [Manheim K. 1994. Diagnost noshego vremeni. — М.].

Местр Ж. де. 1997. *Рассуждения о Франции.* — М. [Maistre J. de. 1997. *Rassuzhdenija o Francii.* — М.].

Ремизов М. 2006. *Консерватизм сегодня: аналитический обзор* [Remizov M. 2006. *Konservatizm segodnya: analiticheskiy obzor*] (<http://www.apn.ru/publications/print1748.htm>).

Холодковский К.Г. 2005. Проблемы изучения современных внутривластных трендов западных стран // *Новые тенденции во внутренней политике западных стран.* — М. [Kholodkovsky K.G. 2005. *Problemy izuchenija sovremennykh vnutripoliticheskikh trendov zapadnykh stran* // *Novye tendencii vo vnutrennej politike zapadnykh stran.* — М.].

Холодковский К.Г. 2007. Проблемы и внутренние противоречия западного общества в начале XXI века // Холодковский К.Г. (ред.) *Внутривластные трансформации в западных странах: реальность и перспективы.* — М. [Kholodkovsky K.G. 2007. *Problemy i vnutrennie protivorechija zapadnogo obshhestva v nachale XXI veka* // Kholodkovsky K.G. (red.) *Vnutripoliticheskie transformacii v zapadnykh stranakh: real'nost' i perspektivy.* — М.].

Шварцмантель Д. 2009. *Идеология и политика.* — Харьков [Shvartzmantel J. 2009. *Ideologija i politika.* — Khar'kov].

Allison L. 1984. *Right Principles: A Conservative Philosophy of Politics.* — L.

Eliot W. 1927. *Toryism and the Twentieth Century.* — L.

Flinders M. 2009. Conserving the Constitution? The Conservative Party and Democratic Renewal // *Political Quarterly.* Vol. 80. № 2.

Hague W. 2000. *A Conservative View of Constitutional Change: Lecture given at Magdalen College, Oxford, 13.11.*

Hearnshaw F.C.J. 1933. *Conservatism in England.* — L.

Mittelman J.H. 2000. *The Globalization Syndrome: Transformation and Resistance.* — Princeton.

Norton P. 2008. The Future of Conservatism // *Political Quarterly.* Vol. 79. № 3.